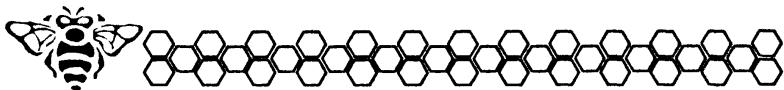

STUDIA PHILOLOGICA

А. П. ЛЮСЫЙ

ПУШКИН
ТАВРИДА
КИММЕРИЯ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 95

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

Люсий А. П.

Л 95 Пушкин. Таврида. Киммерия. М.: Языки русской культуры,
2000. – 248 с.

ISBN 5-7859-0110-2

В книге всесторонне осмысливается южный полюс созданного Пушкиным в русской литературе петербургского мифа миф Тавриды. Представлена оригинальная трактовка восприятия Пушкиным Тавриды сквозь призму творчества «полузабытого, но гениального» поэта, «литературного Колумба Крыма» Семена Боброва. Исследуется роль этой темы в становлении художественного и исторического сознания Пушкина, обозревается своеобразное «пушкиноискательство» и «пушкиноборчество» в Крыму других поэтов. В приложениях публикуется неизвестная работа Ирины Медведевой-Томашевской и Николая Томашевского «За Пушкиным по Крыму».

ББК 84(2Рос-Рус)6

В оформлении обложки использованы картины:

И. К. Айвазовский (совместно с И. Е. Репиным).

«Прощание А. С. Пушкина с морем». 1887.

И. К. Айвазовский. «А. С. Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал». 1880.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246 20-20 с о M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0110-2

9 785785 901100 >

© А. П. Люсий, 2000

© Языки русской культуры, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Воображенью край священный...» С какой, казалось бы, легкостью воскликнул поэт об этой земле. Однако путь «воображенья» был не так прост, как это может показаться на первый взгляд. На «берегах Тавриды» поэт слушал не только говор волн, но и голоса предшественников, уже побывавших здесь, иногда даже «думал» их стихами.

Пушкинская Таврида — своеобразный южный полюс Пушкиным же созданного петербургского мифа в русской литературе. «Важным здесь является, — обосновывает Т. Николаева сформулированную представителями “Московской семиотической школы” проблему вычленения (или от-членения) семиотически значимого “Х-текста” от примыкающих к нему явлений иного семиотического статуса, — не только умение увидеть в пределах одного (или многих текстов) некий неявный новый текст заданной структуры, но и осознать его не как шифровку или прорыв подсознательного, а как общеобращенный факт литературного бытия, со всеми собственными единицами плана выражения и плана содержания»¹. Явный пушкинский «крымский текст» не только важнейший этап развития романтизма в его творчестве, но и поворотный пункт в становлении исторического сознания поэта.

Больше всего о Тавриде Пушкин «думал» стихами Семена Боброва, по выражению Юрия Лотмана, поэта «гениального, но полузабытого»². В последние годы он не раз извлекался из «полузабвения», но проблема «Пушкин и Бобров» после 1900 года еще ни разу не ставилась. Поэтому автор и уделяет этой теме особое внимание, естественно, не ограничиваясь ею, отдавая дань крымскому «пушкиноискательству» и «пушкиноборчеству» и других поэтов. Дальнейшая эволюция образа Тавриды рассматривается в контексте его демифологизации, пушкиноискательства символистов, новой эллинизации Осипом Мандельштамом, создания оппозиционного этому образу мифа Киммерии Максимилиана Волошина. Известный и новый историко-литературный материал автор пытался осмысливать с позиций современной литературоведческой и общегуманитарной методологии. Тем самым, возможно, намечается заполнение исследовательской ниши взаимодействия мифологии и русской литературы.

Тема, думается, имеет не только научную, но также просветительскую и общекультурную значимость. Нынешний идейный вакуум в российском обществе, вкупе с осуществленной постмодернизмом радикальной эстетической «демифологизацией», вынуждает искать и осмысливать имеющиеся в прошлом позитивные энергетические импульсы (как пишет Эрнст Блох в «Тюбингенском введении в философию», «чистые гештальты попыток, гештальты Исхода, то есть реальные модели еще не Удавшегося»³). Таврида в наше время — некое российское инобытие, и

от этого культурного наследия не стоит отказываться, как это порою делается, как бы в пику противоположной политической крайности вокруг «инобытия», насчет «Крыма — российской земли». Автор книги стремится к более серьезной «таврической» идентификации современного российского сознания, будучи уверен, что филология может этому поспособствовать.

В качестве одного из приложений публикуется малоизвестная работа известных ученых и литераторов Ирины Медведевой и Николая Томашевского (жены и сына выдающегося пушкиноведа Бориса Томашевского) «За Пушкиным по Крыму». Автор выражает благодарность Марии Николаевне Томашевской за предоставленную ею возможность поместить в книге это произведение из ее архива.

Данная работа была начата мной в виде диссертации под руководством стиховеда и критика Владимира Ивановича Славецкого (1951—1998), памяти которого книга и посвящается.

Глава I

ОТ БЕЛЫХ ВОД ДО ЧЕРНЫХ

ПО СЛЕДАМ ОДИССЕЯ

Связная история таврических метафор на русском языке берет начало с весьма метафорического при всей потенциальной историософичности своей эпизода. Древнейшая из дошедших до наших дней надпись на этом, тогда еще древнерусском, языке на так называемом Тмутараканском камне гласит: «В лето 6576 (1065) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмуторокани до Корчева 30, 054 сажень».

Это как будто бы своеобразное цифровое выражение некоей задачи, число, запульсировавшее потом всеми счастливыми и, наоборот, порой весьма пагубными встречами и расставаниями с вдохновляющим в любом случае краем. Встречами и расставаниями уже не только князей (хотя и князей тоже, в том числе и великих, как поэт К.Р.), но даже «официальных» «поэтических королей», организовывавших в Керчи «Олимпиаду футуризма», всех носителей русской поэтической музыки.

С Тамани начинается и крымское измерение Пушкина, хотя его воображение занимал здесь не Глеб, а другой князь Тмутаракани Мстислав. В эпилоге к писавшемуся уже в Гурзуфе «Кавказскому пленнику» Пушкин, перечисляя занимавшие его сюжеты, упомянул «Мстислава древний поединок» (4, 113)*.

В Крыму происходит действие еще более древней, чем тмутараканская строка-задача, но дошедшей в позднейших списках из нескольких слоев «Корсунской легенды», повествующей о походе первокрестителя князя Владимира на Херсонес, с чего берет начало крещение Руси. Крым упоминается летописцем Нестором в «Повести временных лет». Мифический див в «Слове о полку Игореве» призывает князя «послушати — земли незнаем <...> и Сурожу, и Корсуню <...>»⁴

«Югофильство, — утверждает в своей концептуальной, продолжающей оставаться единственной в своем роде книге "Природа, мир, тайник вселенной" Михаил Эпштейн, — первая, во многом утопическая антитеза балтийской ориентации России, предпринятая Петром I...»⁵. В действительности, однако, Петр I вполне серьезно пытался вначале «прорубить окно» именно на юге, на что были направлены Азовские походы 1695 и 1696 года. Реанимирован был еще Юрием Крижаничем составленный план основания новой русской столицы в Крыму, и Петр I однажды даже постоял «на берегу пустынных волн» все в том же Корчеве во время так называемого Керченского похода 1699 года (что описано

* Цитаты из произведений А. С. Пушкина в тексте приводятся по Полному собранию сочинений. АН СССР, 1937—1959.

в мемуарах очевидцев и извлечено оттуда Алексеем Толстым для соответствующего эпизода в романе «Петр I»). Лишь внешнеполитические обстоятельства — невозможность организовать общеевропейскую анти-турецкую коалицию в ходе царских путешествий-посольств на запад из-за начинающейся войны за испанское наследство — вынудили его изменить геополитическую ориентацию, но не геопоэтические искания русской литературы.

Любопытно, что «путешествующая» внешняя политика Петра I совмещалась с «путешествующей» внутренней образовательной политикой. В системе его преобразовательских инициатив не до конца еще изученное значение имела организация им путешествий русских и зарубежных ученых по российским просторам. По словам немецкого ученого Карла Риттера, быстро ставшие устойчивой традицией ученые путешествия, «которые петербургская Академия, не щадя издержек, устраивала при вспомоществовании императриц Анны, Елизаветы и Екатерины II, должно причислить к самым блестящим и успешным предприятиям для науки, просвещения и народного благополучия России <...> Это обширное государство только посредством таких путешествий могло достигнуть до самопознания и познания своих частей, природных сил и их благотворного употребления для своих подданных»⁶.

В то время как поэты XVIII века начиная с Михаила Ломоносова и кончая Семеном Бобровым выковывали, по известному наблюдению Л. Пумпянского, в одах стихотворные формулы России-«полнощи» и ее рассвета и расцвета («где...» — «там...»), где хронология говорит о разнице между «прежде» и «ныне», а топография — о тождестве места⁷, и эти формулы являлись некими лемехами поэтического плуга, ученые-путешественники открывали и измеряли места для будущей вспашки почвы, в предчувствии появления поэтической астролябии.

Геопоэтика (воспользуемся все еще «маргинальным» термином К. Уайта) поэтов и геопоэтика ученых взаимно дополняли друг друга, и особенно наглядно совместились это у самого Ломоносова. Так, крымские природа и история постоянно присутствовали в сфере как его научных, так и художественных интересов. В «Слове о рождении металлов», обзревая геологическое прошлое планеты, Ломоносов рассматривает историю происхождения Черного моря и Крымского полуострова. В работе «Первые основания металлургии» он уделяет внимание происхождению Крымских гор в одном ряду с Кавказскими, Кордильерскими и Пиринейскими. В «Древней Российской истории» он описывает взаимоотношения Руси и Крыма с древнейших времен, в «Описании стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» уделяет внимание Крымским походам князя Василия Голицына. Наконец, в Крыму разворачиваются события ломоносовской трагедии «Тамира и Селим» (1750).

Сразу же после присоединения Крыма к России (1783) сюда, в развитие «путешествующей» политики Петра I, были организованы путешествия известных ученых Василия Зуева, Карла Габлица и Петра Палласа. Кымоописательные труды этих ученых в известной мере являются и памятниками российской словесности. О последнем из указанных авторов «петербуржец и кымец» (по выражению Марины Цветаевой) Осип Мандельштам писал: «Никому, как Палласу, не удалось снять с русского ландшафта серую пелену ямщицкой скуки». Прочитируем и запомним на будущее такой образец научной эссеистики из «Путешествия по Кыму академика Палласа в 1793 и 1794 году», посвященный строению Кымских гор: «Слои как бы обрезаны направлением берега и ясно видны в приморских утесах, подобно как в книге листы или в библиотеке книги <...>. Они действительно суть такая книга, в которой испытатель естества весьма много найдет того, что может послужить к изъяснению состава нашего земного шара и происхождения их внешних слоев»⁸.

«Полуостров, — подводил итоги первым описаниям Кыма читаемый потом Пушкиным писатель-сентименталист Василий Измаилов в своем «Путешествии в полуденную Россию» в 1802 году, — которому не достает только может быть Тибуллов, Проперциев, Горациев, чтобы сделаться, подобно Италии, славным в мире <...>». «Заметьте, — отзывался он о работах Габлица и Палласа, — что живописные картины сего края не укрылись даже от пера сих двух натуралистов, которые писали о Кыме только как Физики и Ботанисты, и вы согласитесь со мною, что в сем уголке света хранится новая жила Поэзии, рождение нового царства в мире Физики и, может быть, тайный ключ русской литературы»⁹.

И это при том, что сам ключ, только не сентименталистский, уже вовсю забил! Поэт-классицист Василий Капнист не только сочинил в 1784 году оду «На завоевание Тавриды», но и отправился сюда искать следы Одиссея (гораздо раньше, чем Шлиман начал раскопки Трои, сорвавшие с гомеровского эпоса покров легенд).

В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.

Так описывается в «Одиссее» бухта разбойных листригонов, и ряд ученых (К. Бэр, К. Риттер), французский путешественник Дюбуа де Монпери отождествили это описание с уникально замаскированной с моря бухтой Балаклавы в юго-западной части Кыма. А восточнее, в «киммерийан печальной области», — на античном «Крайнем Севере», — находился, и не только по Гомеру, вход в подземное царство мертвых — Аид.

Капнист написал две статьи текстуальных раскопок Гомера, но реальные следы пребывания древнегреческого героя в Крыму не обнаружил. В стихотворных же своих строках он предварил мотивы поэтов-романтиков (в том числе Пушкина, утверждавшего, что после смерти «мой дух к Юрзуфу прилетит»). Капнист выразил мечту «посюстороннего» переселения в Тавриду.

Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Солдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы, пеленой обвиты,
Красу серебристых нежат рун,
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.

Как бы поправляя Капниста, Гаврила Державин самим названием своей оды подчеркивает мирный характер присоединения фактически завоеванного Крыма — «На присоединение без военных действий Таврических и Кавказских областей и на учиненный с Оттоманскою Портою мир 1784 года» (в дальнейшем переиздавалась под сокращенным названием «На приобретение Крыма»). Не дожидаясь археологической базы своим образом, он устраивает на просторах Тавриды невиданный гомеровский хоровод стрекоз, заставляющий вспомнить о стрекозах Мандельштама.

Цирцея от досады воеет,
Волшебство все ее ничто;
Ахейя, в тварей превращенных,
Минерва вновь творит людьми;
Ослабься Пифагор дивится,
Что мнение его сбылося,
Что зрит он преселенье душ:
Гомер из стрекозы исходит,
И громогласным сладким пеньем
Не баснь, — но истину поет.

«Слух пройдет обо мне/ От Белых вод до Черных», — писал Державин в своем «Памятнике» (1795). Читая эту строку, вначале невольно фиксируешь внимание на цветовом контрасте (который не наблюдается в пушкинском «Памятнике»). Потом слышится рокот воли, ведь речь о двух морях, омывающих крайние пределы государства. А немного поразмыслив, вспомнишь: Петр I основательно начинал рубить «окно в Европу» именно на Белом море, а к концу XVIII века Россия все же утвердилась и на берегах Черного моря. Так что здесь не только автобио-